18+

Дарья Рассветная

Суженый, приди ко мне

Рассветная Дарья

Суженый, приди ко мне. История встречи со своим суженым

https://litres.ru/74984934
ISBN 9785007180184

Аннотация

Однажды в институте девушка Катя сильно заболевает и в лихорадке видит Ангела, который сообщает ей, что она пройдёт много испытаний, прежде чем станет счастливой.

Катя — идеалистка, которая ищет своего Суженого.

Разломы в отношениях с мужчинами заставляют Катю ещё сильнее мечтать об истинном возлюбленном.

В конце концов Катя знакомится с Женей Птичкиным. Это её студент, который влюблён в свою учительницу.

Однако в их отношениях происходят мистические события…

Содержание

ЧАСТЬ 1. ГДЕ ТЫ, СУЖЕНЫЙ 6
Идеал, которого нет на свете 6
Пророчество 11
Не судьба 17
Музыка для домового 22
Друг-ремонтник 24
ГЛАВА 2. ВСЕ ДЕЛО В САМОЛЕТАХ 29
Когда за бортом гроза 29
Доносы 31
Сибирские рейсы 33
Простой русский Василий 36
Зверь, утомленный буйством 40
Не забывай 46
ГЛАВА 3. ТУРОК 51
Лифт-ловушка 51
Знакомство 56
Вечерний страж 58
Роковой портрет 61
Турецкая невеста 66
Мечты прошлого 71
ГЛАВА 4. ПЯТЬ МГНОВЕНИЙ СЧАСТЬЯ 74
Мгновение первое. А баня будет? 74
Мгновение второе. Ночной дозор 79

Мгновение третье. Охота за силой 86
Мгновение четвертое. Остановись, мгновение! 96
Конец ознакомительного фрагмента. 97

Суженый, приди ко мне
История встречи со своим суженым

Рассветная Дарья

© Рассветная Дарья, 2026

ISBN 978-5-0071-8018-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ 1. ГДЕ ТЫ, СУЖЕНЫЙ

Идеал, которого нет на свете

В ту последнюю ночь каникул печальные, горькие мысли толпились в сознании девушки Кати.

«Каждый прожитый день уходит в недосягаемое вечное Прошлое. Неотступно, день за днем, неделю за неделей поглощает ненасытное время лучшие годы. Прошлое невозвратимо, никогда не вернется и юность. Прекраснейшая пора незаметно уходит, и нет такой силы, которая могла бы задержать ее хоть на миг. Совсем скоро придет мой день рождения. И полетят новые дни, недели, месяцы. И бесстрастное время все так же, размеренно и неутомимо, будет крутить веретено и прясть непрочную нить обыкновенной человеческой жизни, — думала я. — Почему я одна? Почему у других есть друзья, а у меня нет? Чем я хуже? Неужели я никому не нравлюсь?»

И слезы, неизменные спутники подобных размышлений, наворачивались на глаза.

«Я симпатичная, у меня красивые длинные волосы, стройная, немного спортивная фигура. Что же еще надо? Парни ходят и с гораздо менее привлекательными девчонками. А почему у меня до сих пор нет друга?..»

Тоска и одиночество повергли Катю в полное уныние, и жизнь казалась совершенно бессмысленной и никчемной.

Молодость не умеет испытывать длительное время одно и то же чувство, каково бы оно ни было по силе. И Катя, немного успокоившись, уснула.

***

Кате нравились все красивые и стройные парни, по возрасту старше ее самой. И когда изредка мелькала чья-нибудь многозначительная улыбка или скользил чей-нибудь любопытствующий взор по Катиной фигуре, девушка вся смущалась, сжималась и начинала крутить головой в разные стороны.

От волнения, робости и, главное, от напряженного ожидания, что с ней сейчас могут познакомиться, девушка теряла координацию движения. Если с ней рядом случался стул или дверь, либо чья-нибудь нога, или камень на дороге, то она неловко зацеплялась, запиналась.

Где уж ей тут кокетничать или — Боже упаси! — соблазнять, если она не могла смотреть открыто на понравившегося парня. О таком Катя смела только мечтать…

И она мечтала.

Позабыв об уроках и обо всем на свете, она отдавалась на волю своего воображения и переносилась в более счастливый для нее мир — в мир, где она встречалась со своим не найденным на Земле идеалом. Неутолимое желание

познакомиться со своей Судьбой порождало удивительное разнообразие способов, неординарность ситуаций и обстоятельств, при которых происходило воображаемое знакомство.

«Стояли самые жаркие дни лета, — так начиналась очередная Катина фантазия. — В одни из них мои подруги Света и Надя расположились у меня на балконе. Мы ждали, когда спадет жара, чтобы идти купаться на речку, протекавшую недалеко. А пока подруги гадали на картах, я лениво наблюдала за тем, что происходило на улице.

Была среда, время послеобеденное, из людей — редкий прохожий. В нашем городишке люди нечасто пробегают мимо.

— Эй, девочки, смотрите! — почему-то шепотом сказала я, выглядывая с балкона на дорогу.

Заинтригованные моим странным жестом, подруги тоже посмотрели вниз.

С высоты второго этажа моего кирпичного дома нам открылась следующая картина. По дороге двигался, именно двигался, а не шел, молодой человек лет двадцати, немного худощавый, с ярко выраженной для этого времени года белой кожей. Он с трудом волочил объемную спортивную сумку. Но что-то непонятное, непривычное чувствовалось в его поведении. Казалось, что кто-то невидимый тянул его, а он обреченно подчинялся. Почти каждый шаг он останавливался, оглядывался и с отчаянием смотрел куда-то в улицу,

словно поджидая кого. Через несколько минут он скрылся из вида.

Изумленные, мы, не медля ни секунды, выскочили из дома с намерением следовать за незнакомцем.

Очутившись на улице, мы едва не столкнулись с быстро бежавшим пареньком.

— Вы тут высокого парня с сумкой случайно не видели? — запыхавшись, спросил он.

В следующую минуту мы все вместе мчались следом за бывшим здесь недавно молодым человеком. Неожиданно улица обрывалась и упиралась в другую, расположенную перпендикулярно. Но ни в той, ни в противоположной ее стороне странного юноши не было видно. Тогда нам пришлось остановиться и обсудить дальнейшие действия.

Сейчас я могла рассмотреть нашего спутника более внимательно. Крепкого сложения, благородная шея, привлекательное лицо, русые волосы в оригинальном зачесе, свободная манера говорить и двигаться.

Заглядевшись, я не сразу заметила, что он тоже смотрит на меня…»

Как бы подобные фантазии ни могли показаться пустыми человеку практичному, у мечтательной Кати постепенно определялся образ друга, мужа, образ ее идеала.

Образ

Он любит волю,
И я — взбираться в гору.
Он любит стужу,
И я — на корабль садиться в бурю.

Дожди способен созерцать,
Всю ночь дрожа в благоговенье,
И четырем ветрам себя отдать,
Вдыхая запах их до упоения.

Неутомимый, жадный до дороги —
Куда б ни позвала судьба.
Всегда он будет наготове,
И я с ним буду до конца.

Мы с ним — единая душа,
И оба верим в чудеса.
И каждый может превратить
Жизнь — в праздник навсегда!

Пророчество

Катя поступила в вуз, и ей пришлось переехать из родного поселка в город.

Будучи школьницей, она как-то не задумывалась о той всемогущей силе, которую называют Богом. Наверно, не приходилось. Бог был для провинциалки всегда каким-то абстрактным и далеким существом. Но после того, как однажды на собственном опыте она убедилась в Его существовании, всецело и бесповоротно поверила в Него.

«…Я училась в университете на втором курсе, когда это случилось. Снимала однокомнатную квартиру, находящуюся со всеми пересадками в полуторачасовой езде от университета. Моя учеба проходила во вторую смену, и домой приходилось возвращаться, когда на улицах зажигались фонари. Сначала проходила через темную арку дома. Я ее страшно боялась. В воображении вспыхивали самые ужасные сцены, которые обычно происходят в таких местах, и мои нервы всегда были натянуты до предела. Затем предстояло зайти в свой подъезд, где никогда не горел свет, да и около подъезда тоже, потом в полутьме добираться до своей квартиры на четвертом этаже. И когда, наконец, оказывалась дома, то чувствовала, что совершенно измотана и полностью разбита. К тому же была невероятно измучена голодом, так как в университетских столовых не кушала, причем не столько

ради экономии, сколько из-за своей крайней застенчивости.

Одетая в коричневый свитер и синие джинсы, с косой, как у школьницы, я робела перед яркими и самоуверенными одногруппниками, которые с легкостью знакомились друг с другом и заводили дружбу. Бесконечные их разговоры о шмотках, косметике, машинах, магазинах, нимало не интересовавшие меня, а также обсуждение преподавателей и однокурсников претили моей душе.

Помимо университета, я никуда не ходила, а в выходные сразу уезжала домой. От тоскливых часов одиночества спасалась книгами. Нам задавали читать много разной литературы, и с наступлением вечера спешила погрузиться в созданный автором мир. И этот мир оказывался единственной реальностью, в которой забывался враждебный для меня университет, холодные автобусы, пустые и озлобленные лица в них…»

Тихая, домашняя провинциалка никак не могла свыкнуться с большим и мрачным городом, со своим отшельничеством и отчуждением в нем.

«…Ко всему мне нелегко давалась учеба. Если кому-то требовалось несколько минут, чтобы выучить заданное, то мне приходилось затрачивать в два раза больше времени на то же самое. Все свои «неуспехи» переживала на очень глубоком уровне и проводила дотошный самоанализ и безжалостно критиковала себя. Кончилось это тем, что я «съела» саму себя.

Однажды утром проснулась со страшной тяжестью в голове и высоченной температурой. Хотела было встать, но, едва приподнявшись, бессильно рухнула обратно на подушку: тело не повиновалось. В квартире не было ни таблеток, ни телефона и никого рядом, кто бы мог помочь.

Лежа плашмя на постели и не будучи в состоянии даже думать, я то проваливалась в черную губчатую пустоту, то выныривала назад. И тогда, с трудом подняв тяжелые веки, смотрела на потолок, пока забытье снова не утаскивало меня.

Так прошли сутки, наступили вторые.

Едва проснувшись, ощутила жгучую сухость во рту. Мозг громил сигнал жажды. Пить! Быстрее пить! Жжение во рту усиливалось с каждой секундой. Пить! Пить!!! Этот сигнал, как непрерывный электрический разряд, разрывал мое сознание.

Огромным усилием воли заставила себя повернуться на бок и перевалиться через край раскладушки на пол. Пробовала подняться на ноги, — ничего не получалось. Не помню, как очутилась на четвереньках. И очень медленно, то и дело натыкаясь на какие-нибудь вещи, поползла на кухню.

На кухне водопроводный кран для моего положения и состояния располагался высоковато. Испытывая тошнотворное головокружение и ужасную ломоту в голове, перебирая по стене руками, начала медленно подниматься. Достигнув уровня раковины, повисла на ней всем телом и открыла кран.

Страждущие губы долго и жадно ловили струйку ржавой и пахучей воды. Боль притупилась, и обратный путь совершила уже на ногах, но они едва удерживали набрякшее тело, согнутое почти пополам.

Как далеко постель! Быстрей бы уже лечь!

Наконец я доползла до раскладушки и кое-как взгромоздилась на нее.

Где-то вдали забил колокол. Гулко и надтреснуто. Его звон болезненно отзывался в голове.

Странно, не знала, что здесь есть церковь.

Гул приближался. Бум-м-м! Бум-м-м! Резкие и беспощадные удары большого медного колокола раздавались уже прямо за моим окном.

Но около дома нет церкви!

«Ну, она, наверное, где-нибудь между домами, и я не видела ее, — пыталась успокоить сама себя. — Этого не может быть!»

В голове снова все замутилось, и мрак забытья поглотил меня.

Когда очнулась, в комнате сгустились тени. Спать не хотелось. Я включила стоявшую на полу рядом с раскладушкой лампу, взяла лежавшую неподалеку книгу, которую начала читать несколько дней назад, моего любимого Достоевского с его «Преступлением и наказанием». Открыла его и перенеслась в туманный Петербург. Правда, ненадолго… Хлесткая головная боль и нестерпимый жар в теле, несмотря на

мое сопротивление, скоро вырвали меня из мира книги. Я выключила свет, ставший уже раздражать мои воспаленные глаза, и откинулась на подушку. Мысли словно только этого и ждали. Они набросились на меня, не давая опомниться.

Зачем я в этом мире?

Каково мое предназначение?

Как узнать себя?

Что ждет меня в будущем?

Эти вопросы атаковали меня снова и снова. И мне нечем было сдерживать их яростный натиск. Ни одного стоящего оружия в моем арсенале.

Какие-то легковесные и мелкие мыслишки. Тем не менее во мне жила твердая уверенность, что ответы на эти вопросы есть и что их необходимо найти во что бы то ни стало. Но как бы я ни металась в их поисках, как ни гонялась за ними, ответы не давались. Они, словно быстрые рыбки, ускользали из самых рук, обдавая меня миллиардами брызг. Их пенистые пузырьки застилали все вокруг, и я терялась в их бесчисленном множестве.

Лежала в темноте, не имея о времени ни малейшего представления. Часы остановились еще вчера. И лишь темно-синее пятно окна немного разбавляло черноту осенней ночи.

Голова пылала, как огненный шар. Я плохо осознавала, что со мной, где и кто я.

Вдруг в комнате напротив окна появилось серебристое свечение. И почти сразу послышался голос. Негромко, но от-

четливо он произнес:

— У ТЕБЯ ВПЕРЕДИ МНОГО ИСПЫТАНИЙ. НО ЧЕРЕЗ НИХ ТЫ БУДЕШЬ СЧАСТЛИВА.

Это немногословное пророчество отпечаталось в моем мозгу. Тогда я ничего не поняла. Услышанные слова ни о чем не говорили.

Когда это будет?

Какие испытания?

И особенно было непонятно, как это — «счастье через испытания».

Наверное, все пойму позднее…

В тот момент меня больше занимал не смысл услышанного, а факт того, что они были сказаны.

И кем?

Богом! Сам Бог говорил со мной!!!

И это было все, о чем я тогда могла подумать.

Вскоре глубокий и спокойный сон укрыл меня своим призрачным покрывалом.

Проснулась оттого, что солнечный свет играл на моем лице. И сразу стало понятно — я здорова!

Когда на следующий день пришла в университет, даже никто не спросил, почему я отсутствовала столько времени. Этого, казалось, никто и не заметил. Зря беспокоилась…»

Пророчество сбудется… со временем.

Не судьба

К тому времени Кате дали комнату в общежитии, и девушка переехала ближе к университету.

«…У вас когда-нибудь вырастали за спиной крылья? Огромные, мощные, на которых можно летать? Если да, то, значит, вы когда-то по-настоящему любили.

В такие моменты не думаешь ни о прошлом — его нет и не было — ни о будущем — вы счастливы в настоящем. И молодость уносит вверх, и даже не смеешь помыслить о том, что полет может закончиться в самый неподходящий момент, когда уже набрала высоту. Нежданный порыв штормового ветра гасит парение. И сломаны крылья, и разлетелся пух…

Я не знала, что с ним, где он, просто ждала.

Пять месяцев после того, как он уехал в командировку. Пять месяцев он приходил ко мне во сне.

Каждую ночь слышала стук в дверь своей комнаты. И на пороге возникал он. Проходил, садился на кровать (стульев в комнате не водилось) и говорил: «Все в порядке. Я пришел». Мы сидели и разговаривали. Он гладил мои волосы.

А утром просыпалась с надеждой, что сегодня обязательно его увижу. Дни шли за днями, складываясь в месяцы. И уже не хотелось, чтобы наступало утро, — торопила приход вечера и… во сне опять мы встречались.

Его звали Сергей. Познакомились мы с ним на улице, в середине осени. Он приехал на такси, собираясь что-то купить в ларьке. Я же только что отходила от него. Глаза наши встретились. Так встретились две души…

Странная у нас вышла история.

Он пригласил меня на следующий день на свидание, а встретились мы только через месяц.

Придя в назначенное время к гостинице, в которой он жил, я прождала пятнадцать минут, он не появлялся. Сколько еще его ждать? Наверное, смотрит в окно и потешается над моим хождением взад-вперед перед дверями гостиницы.

Тогда я перешла на второй курс университета. Он был старше меня на семь лет. Большой, широкоплечий, спокойный, сероглазый и с топорщившимися на самой макушке русыми волосами Сергей представлялся мне воплощением всех моих мечтаний.

Медленно пошла прочь. Мечты не сбылись. Проходя мимо телефонного аппарата, мне показалось, что парень, стоявший спиной ко мне, — Сергей. Не окликнула его — боялась обознаться или не хотела, чтобы он увидел, что я пришла, столько времени прождала, а вот теперь иду ни с чем домой.

Он нашел меня сам. Через месяц. Возник около меня и спрашивает:

— Ты почему не пришла в тот раз?

— Я приходила. Это ты не пришел, — возмутилась я. —

А во сколько ты приходил?

— В семь.

— А я ждала в шесть. Ты же сам говорил.

— А я запомнил, что в семь.

Через несколько дней он принес мне новый музыкальный центр. Сказал: «Тебе». Поставил на мой выщербленный общежитский стол и начал проверять, как работает новая аппаратура. Покрутив все настройки, оказалось, что не работает запись. С техникой российского производства такое случалось.

— Унесу брату, он посмотрит… — и добавил с хитрой улыбкой:— Не спутай меня с ним, если увидишь когда-нибудь на улице. Мы с ним близнецы.

И правда, когда они оба появились у меня на пороге с исправленным музыкальным центром, я была поражена их сходству. Почему-то вспомнилась телефонная будка и парень, стоящий в ней ко мне спиной.

Перед Новым годом Сергей спросил меня: «Что подарить твоим родителям? Мы едем к тебе».

— Правда?

Он многозначительно подмигнул.

Я была счастлива. У меня выросли крылья. И я летала. Правда, недолго. Сергею понадобилось уехать в срочную командировку на три дня.

— Ты меня будешь ждать? — спросил.

— Буду.

Командировка оказалась бессрочной…

Через пять месяцев узнаю — его убили на бандитской разборке…

Однажды я спросила у него:

— Чем ты занимаешься?

— У меня есть свой бизнес, — ответил он, а какой не уточнял…»

Понятно, что для Кати эта достаточно туманная история оказалась сильным стрессом. Она опять с головой окунулась в учебу, и со временем воспоминание о нем затуманилось…

Ну был… и не стало… Нашелся и пропал. Ну и Бог с ним…

Дело молодое, переживания сгладятся, мечты останутся. Катя училась, время шло. Мечтать о встрече со своим суженым она не переставала.

Забыться пылкой, хотя и короткой влюбленности Кате помогла музыка.

Смирение явное — бунт тайный

Кто говорит «терпи»,
И вымолишь прощенье.
Кто говорит «бунтуй» —
И будет наслажденье
Душе, что так страдала.
Где истина? Для каждого она своя.

Пусть кто-нибудь бунтует,
Мне же суждено мириться.
Я чувствую себя графиней Монте Кристо,
Хоть и не сразу, но богатство,
Словно в награду за немалые мученья,
Графу было дарено в тюрьме.
Без сомнения, его он заслужил.
Заслужу ли я свое освобожденье?..

Музыка для домового

Катя училась с тринадцати часов, иногда пару ставили в одиннадцать. Она училась на филологическом факультете, а считалось, что филологи лучше всего соображают днем после обеда.

Занятия заканчивались, как правило, в 18:00.

Катя шла домой, готовила ужин, отдыхала и садилась за чтение книг, которые следовало прочитывать в большом количестве, либо выполняла другие задания. Иногда, устав от того и другого, Катя включала музыку или шла к соседкам поболтать, но это происходило редко.

Ее соседка по комнате продолжала числиться как жилец, а при этом стала проживать в другом месте, у родственников. И Катя осталась жить в комнате одна.

«…В моей комнате нет телевизора, но есть магнитофон. И куча кассет. Какое-то время мне очень нравилась тоскливо-печальная музыка незабываемой Милен Фармер. Сколько бы ее ни слушала, как бы сильно она мне ни нравилась, а спать ложиться все равно надо. С сожалением выключила магнитофон, стоявший на столе, достала из него кассету, положила рядом и уснула. Утром, когда открыла глаза, меня потянуло к кассете. Моя рука замерла на полпути. Там, где та была оставлена вчера вечером, сегодня ничего не было. И нигде не было. В поисках пропавшей кассеты я пересмотре-

ла несколько раз все другие, часть которых валялась на полке, часть — сложена в коробке, стоявшей под кроватью, заглянула в шкаф, поискала на подоконнике и даже в ящике за окном, служившем мне холодильником. Но все напрасно…

У домового — думается, это был он — свои правила игры, которые нам неизвестны. Может быть, ему надоело слушать одни и те же мелодии, и он решил избавиться от них. Или, наоборот, они пришлись ему по вкусу, и он забрал кассету себе. Так или иначе, кассета пропала.

Не помню, кто надоумил меня, — я попросила домового вернуть мне кассету назад, так как она мне очень была нужна.

И только через три месяца он вернул ее…

Когда, лежа ничком на постели, нечаянно посмотрела вниз, то увидела потерю. В самом углу, под моей кроватью, задыхаясь от пыли, заброшенно жалась к железной ножке моя «певунья». Дрожащими руками вытащив ее оттуда, я чуть не расцеловала ее от радости…»

Не нужно думать, что она смахнула ее со стола во время сна. И даже если бы это и было так, то пол в комнате девушка как минимум подметала не раз в три месяца и не могла не заметить кассету! В любом случае Катя перестала слушать полюбившуюся певицу.

Друг-ремонтник

Внутренне, даже можно сказать подспудно, ее постоянно тянуло к противоположному полу. Ее мечта — встретить Самого лучшего в мире парня — подвигала ее на случайные разговоры. В студенческие годы знакомиться всегда легко. Молодые сердца распахнуты для новых знакомств.

И однажды у нее вышла странная история.

«…С Разифом я познакомилась в коридоре общежития. Поднимаясь как-то к себе на шестой этаж, на последнем лестничном пролете наткнулась на трех куривших парней. Один из них при моем приближении обернулся и предложил покурить с ними. Парень выглядел худым, как будто не доедал. Привлекал он только своими глазами. В них плясали озорные огоньки. Я вежливо отказалась. Мне бы лучше не сигарету, а помощь предложили.

— Какую? — живо поинтересовался парень.

— Электроплитка у меня сломалась, не знаю, как быть теперь.

Парень спросил номер моей комнаты и пообещал зайти вечером.

— Кстати, как тебя звать? Дверь-то кому открывать?

— Разиф. А тебя?

— Катя.

— Приятно было познакомиться.

— Ладно, пока!

— Пока!

Не очень-то верилось приходу помощника, но он все же пришел, правда, поздновато, ближе к одиннадцати вечера. Постучал, на мой вопрос «Кто там?» откликнулся своим именем. Когда я впустила его, он, оглядевшись, попросил показать сломанную плитку. Показала. Парень, повертев ее немного, сказал:

— Можно попробовать отремонтировать. Сегодня уже поздно, да и инструментов при себе никаких нету, поэтому уж завтра.

— Хорошо, буду ждать завтра…

На следующий день Разиф явился в назначенное время, прошел в комнату и вскоре плитка в его руках заработала. Он в ней что-то поменял, что-то почистил и протянул мне со словами:

— Принимай!

Я обрадовалась. Накормила гостя ужином, который был сварен на общей плите, и на этом мы попрощались.

Он долго не приходил. Вдруг однажды он снова появился. Радостный, улыбающийся. Проходить в комнату не стал, а потоптался у порога минут пятнадцать, спросил:

— Нет ли чего отремонтировать? — и ушел.

Ремонтировать у меня ничего не нашлось, а чем его привлечь — не знала.

«Видимо, на всякий случай следует приготовить что-ни-

будь для починки, а то вдруг снова зайдет», — подумала я…

Приготовила.

Когда он вновь пришел, я чуть ли не торжественно поставила перед ним электрический чайник, который якобы невзначай сломался. Разиф выразительно хмыкнул, но от работы не отказался.

Раньше электрочайники не были в ходу. И они выглядели совсем не так, как современные. Это был алюминиевый чайник с отсоединяющимся шнуром для подогрева. И хотя у меня на столе стоял новый, взамен старого, его я спрятала, как только за дверьми комнаты раздался голос Разифа.

Разиф со знанием дела принялся за работу. Поковырялся немного, и чайник запыхтел, как новенький. Я была счастлива. Одарив парня многочисленными «спасибо», предложила задержаться, посидеть подольше. Он торопился, как и в прошлый раз.

Странно…

— У тебя есть подруга? — спросила я.

Слегка смутившись, он быстро проговорил:

— Нет-нет, мне уже пора.

Раскланялся и быстро ушел, словно боясь, что не устоит перед уговорами и останется.

Этим Разиф разжег мое любопытство. Ходит, чинит старье. А сам даже не делает попыток остаться или еще чего. Зачем ему это?

Я старалась удержать его всеми способами. Например, пы-

талась накормить чем-нибудь повкуснее. При наличии электроплитки и чайника сталинских времен трудно было состряпать что-нибудь изящное. И, как ни странно, эти электроприборы сыграли свою знаменательную роль в этой истории.

Они часто ломались, а Разиф мог легко починить не только чайник или плитку, но и магнитофон. Он каждый раз широко усмехался, когда я сообщала ему об очередной поломке, на другой же день приносил необходимый инструмент и быстро устранял проблему.

Разиф приходил на короткий чай и, если ничего не находилось, где его руки могли бы пригодиться, уходил. Он так ни разу и не остался.

Однажды ближе к лету, когда минул уже почти год, как мы познакомились, Разиф позвал меня прогуляться по городу. Мы шли и весело смеялись. Мы успели пройти всего одну остановку, когда Разиф вдруг страшно заволновался. Буквально втащив меня в телефонную будку, что находилась в двух шагах от нас, он повернулся спиной к улице и начал нервно набирать номер на аппарате, у которого была оторвана трубка.

Я во все глаза смотрела на своего знакомого. Выразить недоумение мне не дала девушка, которая непостижимым образом через пару секунд оказалась около нас.

— Ты все врал!!! — нервно и громко прокричала она и побежала. — Больше ко мне не приходи! — совсем уже ис-

тошно закричала она, оборачиваясь на ходу.

— Катя! Стой! Я тебе все объясню!

Разиф бросился за девушкой. Мне стало все совершенно ясно.

— И зовут ее так же, как меня, — вздохнула я.

Гулять мне больше не хотелось. С тех пор Разифа я не видела…»

Пройдет несколько лет, Катя уже окончит университет, и ей еще раз доведется его увидеть, но об этом в свое время.

ГЛАВА 2. ВСЕ ДЕЛО В САМОЛЕТАХ

Когда за бортом гроза

Катя окончила третий курс университета. Чтобы немного подзаработать, она устроилась в местный аэропорт стюардессой.

«…Знающие люди не раз говорили, что аэропорт — это одна большая семья. И я очень хорошо это почувствовала, когда начала летать. Каждый рейс разные стюардессы как бы между прочим задавали мне один и тот же вопрос: «Ты чья?» А я была ничья, со стороны. Девушка, которую пригласили подработать летом на авиалиниях, по какой-то причине отказалась, и мне предложили заменить ее. Все препоны при устройстве в аэропорт я прошла с помощью моего благодетеля, человека, взявшегося устраивать меня на работу. Так «большая семья» стала и моей семьей.

Благодетелем, давно вышедшим на пенсию, являлся отец друга моей двоюродной сестры.

В мой первый рейс была очень плохая погода, шла штормовая гроза, и самолет болтало из стороны в сторону. Весь полет я провела на служебном сиденье у входа в кабину пи-

лотов, ничего не видя и не слыша, кроме целлофанового пакета перед собой и рева бури за иллюминатором. Я жестоко страдала, меня выворачивало наизнанку. Думала, что меня уволят, как только мы вернемся в аэропорт. Но, видимо, мне было необходимо пройти большие испытания, и судьба дала еще шанс.

В конце рейса, немного придя в себя, старшая стюардесса, оказавшаяся очень доброжелательной женщиной, подсказала способ, которым можно было привести себя в работоспособное состояние к следующему разу. Все три дня, что отделяли меня от новой попытки полета, массировала точку за ухом, отвечающую за вестибулярный аппарат, до изнеможения, до боли, пытаясь нормализовать его работу.

Неужели все кончится, так и не начавшись?

И через три дня, едва сдерживаясь, борясь с тошнотой, прикидываясь, что у меня все отлично, я выдержала рейс…»

Доносы

«…А потом еще несколько взлетов и посадок, и, наконец, ко мне пришло чувство, что могу летать, не пользуясь точкой для массажа.

Все бы хорошо, да характер меня вынес на другие проблемы. Кому-то приходилось работать на кухне, другие шли обслуживать пассажиров в салон. Интереснее, конечно, было идти в салон, особенно на московских рейсах.

Столичный рейс считался элитным, там всегда можно было встретить немало «денежных мешков», которые за сервис на высоком уровне и за должное обхождение могли и чаевыми одарить, а интеллигентные и культурные люди могли бы и телефончиком побаловать. Незамужних стюардесс в «Аэрофлоте», увы, было большинство.

Было неловко наблюдать, как некоторые стюардессы, навертевшись перед зеркалом, напудрившись и нарумянившись, одернув короткую юбку, выходили походкой манекенщиц к пассажирам.

А меня как безответного стажера постоянно ставили на кухню. Правда, когда мы везли рабочих-вахтовиков в Сибирь, тогда, не спрашивая моего согласия, меня выпихивали в салон. Усталые, грязные, потные пассажиры никого из экипажа не интересовали. Кстати, и меня тоже… В свои восемнадцать лет я думала, что неотразима, и хотела получить

свою долю внимания. И получила.

После окончания своей работы, когда до прибытия в аэропорт остается минут пятнадцать, стюардессы любят занимать свободные места среди сидящих в салоне. Это гораздо удобнее, потому что служебные места — маленькие складные стулья, прикрепляющиеся к стенкам у выходов самолета.

Как-то, когда я разносила чай, один из пассажиров — симпатичный молодой мужчина, сидящий в самом конце самолета, пригласил меня, если будет время, поболтать. Не находя в этом ничего предосудительного, — другие стюардессы делали то же самое, — на время посадки самолета подсела на пустующее место рядом с этим человеком.

Пока мы с ним о чем-то говорили, мои коллеги, которые все на этот раз остались на кухне, несколько раз нервно выглядывали из-за шторки, отделяющей служебное помещение от салона. Не придав этому никакого значения, спокойно болтала с общительным молодым человеком.

После этого был первый донос на меня! В нем значилось, что я «флиртовала с пассажирами, гнушаясь своими обязанностями»…»

Но об этом Катя узнает гораздо позднее, когда истечет время контракта. А пока полеты-рейсы продолжаются.

Сибирские рейсы

Сибирские рейсы — длинные и с промежуточной посадкой, они требуют двух экипажей на борту лайнера. Во время своего отдыха на обратном пути сменный экипаж стюардесс и летчиков, прикупив кедровых орешков и водки, расслаблялся на первых четырех рядах кресел.

Катя же предпочитала дремать, отсев от всех на последний из этих рядов.

«…Однажды в один из таких рейсов ко мне присоседился один из успевших «согреться» пилотов. Стал толковать о своей ко мне симпатии, в общем, прельщал, чем мог. Мне было скучно. Сославшись на усталость, я отвергла заигрывания маститого летчика.

Так появился второй донос.

О нем также станет известно только при увольнении. И когда мой благодетель будет пытаться договориться о продлении моего контракта, то до его сведения доведут, что «во время работы я дремала».

После каждого рейса членам экипажа выдавался паек. Меню пайка висело в помещении, в котором экипажи регистрировались перед своим рейсом. Я никогда не читала его и не обращала внимания на содержимое пайка при выдаче. Пайки были всегда очень большими, особенно на этих пресловутых московских рейсах. Паек увеличивался еще за счет

того, что оставалось после пассажиров.

Пакетики с сыром, сахаром, чаем, вода сладкая, лимонадная, минеральная. Все это распределялось старшей стюардессой между членами экипажа. И каждому доставалась объемная сумка с едой. Выдаваемых продуктов мне лично хватало на два-три дня (!) до следующего рейса.

Однажды краем уха услышала, что написанное в меню не всегда соответствует выдаваемому, недостает то котлеты, то колбасы, то мяса. Недодаваемые продукты старшая якобы потихоньку продает богатым клиентам.

Как отравленное зелье, подействовали на меня эти слухи. Я принялась сличать меню и содержимое своего кулька после раздачи. Убедившись в правоте сказанного, захотелось восстановить справедливость: проконтролировать распределение пайков и проследить за процессом заполнения кульков экипажа в ближайший же рейс. И вот когда настал щекочущий момент, я заняла, как мне казалось, нейтральную позицию, а, именно — встала на кухне за спиной старшей на некотором расстоянии от нее, сложив руки на груди и устремив взгляд в пространство перед собой.

Все обомлели. Остальные члены экипажа, как обычно, стояли у выхода. Одни с испугом, другие с любопытством, а опытные с сожалением наблюдали за сценой. Никто до этого не смел подступаться к сакральному месту. Старшая, оглянувшись и очень выразительно посмотрев на меня, продолжила свое действо: кому больше, кому меньше. А я чувство-

вала себя героем, вставшим на защиту интересов рядовых коллег. Именно этот ложный героизм меня и вычеркнул из рядов стюардесс.

И так на меня донесли начальству в третий раз. После этого и наступил горький момент — меня уволили.

Мой благодетель сделал попытку спасти меня и пошел к начальнику службы. Выйдя слегка потерянным после приватного разговора, пояснил: «Тебе следовало бы отдавать свой паек старшей, чтобы заслужить ее любовь и расположение».

Говоря по правде, мой паек доставался моему соседу по общежитию. Я не ела ни бифштексов, ни котлет, которые нам выдавались, а подкармливала ими своего собрата. Может быть, это доброе дело зачтется мне где-нибудь в другом месте?..»

Простой русский Василий

«Аэрофлот» заключил со мной контракт на три месяца. В основном меня ставили на московские рейсы, как я уже говорила, они были не только самыми востребованными и богатыми, но и короткими по времени. Рейс длился всего один час сорок минут. Паек, который получали пассажиры, отличался от пайков на других рейсах. Он всегда содержал мясопродукты. Это могла быть сочная котлета или хороший кусок колбасы. Кроме того, в него входили сыр, хлеб, часто салатик, а ко всему прилагалась сладкая булочка.

Поскольку рейс был коротким, многие пассажиры не успевали употребить свои пайки. Они отказывались сами, когда их приносили, а некоторые спали. Все неиспользованные пайки собирались старшей стюардессой и после рейса раздавались членам экипажа. И даже я, как новичок и стажер, не уезжала домой без полного пакета снеди.

Для жизни в общежитии такой прокорм был как манна небесная. Принесенных после полета пайков как раз хватало до следующего рейса, который случался через два-три дня. Мясо в то время не входило в мой рацион, и оно в большом количестве скапливалось у меня в холодильнике. Не хотелось его выбрасывать — еда же все-таки и притом вкусная еда.

В общежитии летом жили только работающие студенты,

каковых в то время было не так и много. В блоке, где находилась моя комната, кроме меня, никто больше не жил.

И однажды я познакомилась с одним молодым человеком. Он стоял на балконе и дышал воздухом. К тому моменту у меня лежало несколько несъеденных котлет, которые нужно было срочно реализовать. Я предложила молодому человеку бесплатный ужин. Мое предложение его развеселило.

Он представился. Его звали простым русским именем Василий. Я объяснила, откуда у меня излишки еды, и он согласился помочь найти им применение. Василий зашел ко мне в гости, поел. Его корректность и общительность расположили к нему. Как оказалось, Василий был старше меня лет на пять и тоже где-то работал.

— Вася, ты можешь приходить ко мне на ужин каждый раз после того, как съезжу в рейс.

— Очень заманчивое предложение. Хорошо, — сказал он с улыбкой. — Когда у тебя следующий рейс в таком случае?

— Через два дня. Приеду после восьми.

— Отлично, я примерно прихожу в это время.

Так мы стали ужинать вместе, конечно, не каждый день, а как только у меня снова появлялось что поесть. Нам хватало на двоих. Накануне я сообщала Василию, когда у меня следующий рейс, и на ужин он приходил сам. Я даже не знала, где его комната.

Мне нравилась его компания, он скрашивала вечера между рейсами в пустом блоке.

Мы болтали о разном, и рядом с ним я чувствовала себя свободно. Это продолжалось до тех пор, пока вдруг однажды он не спросил:

— Катя, ты меня кормишь почти каждый день, а скажи, я тебе нужен… вообще зачем?

Тут бы мне подумать, включить разум и проявить любовь к людям, но, похоже, эти функции в то время у меня не работали.

— Ты мне нужен, чтобы съедать мясо, я же его не ем, — совершенно не желая его обидеть, напрямую, без всяких обиняков, сказала я.

А о том, что мне с ним весело и приятно проводить вечернее время, что он единственный, с кем разговариваю в общежитии, не сказала ни слова…

Он доел котлеты, аромат которых разошелся по всей комнате, и твердо сказал:

— Если я тебе нужен только за этим, то я ухожу. Спасибо за все…

В тот момент я даже не успела сообразить, что теряю хорошего друга и забавного собеседника. Больше он не приходил. И теперь приходилось скармливать котлеты местным кошкам, жившим на первом этаже общежития.

Пользуясь случаем, приношу извинения этому человеку и говорю спасибо за прекрасное время, которое мы проводили вместе. Без общения с ним мне было бы жутко скучно…»

Возможно, на поведение Кати влияло место ее прожива-

ния во время работы бортпроводницей. И в следующем рассказе вам откроется такая страница Катиной истории, что, надеюсь, вы простите ее за такое вызывающее поведение в самолетных делах.

Зверь, утомленный буйством

Катя жила в тесной, давно не знавшей ремонта, комнатушке. Ее комната-двушка, предназначенная для проживания двух студентов, входила в четырехкомнатный блок, где располагались еще одна такая же девушка и две комнаты, рассчитанные на четверых.

Кроме нее, в блоке на лето оставались еще двое — студент и студентка. Они работали проводниками на железной дороге. И Катя их почти не видела, они постоянно находились в рейсах, и поэтому в блоке хозяйничала она одна.

«…У одной из четырех комнат был сломан замок, и дверь не закрывалась. Проникающий в открытое окно этой комнаты ветер гонял дверь из стороны в сторону. Девочки, жившие в комнате, покрасили раму перед своим отъездом, и окно осталось приоткрытым. Шпингалеты засохли в краске и моим усилиям плотно прикрыть раму не поддавались. То и дело я вздрагивала от хлопающего звука, разносившегося по пустому коридору общежития.

А поздно вечером, когда я стояла у раковины, умывалась или мыла посуду, в какой-то момент дверь той комнаты с треском распахивалась настежь, и из зияющего черного проема разило холодом ночи и обдавало жутью потустороннего мира. Сердце мое начинало бешено колотиться. И вдруг — брямц! Дверь резко захлопывалась. Я наспех домывала ка-

стрюлю или дочищала зубы и пулей влетала к себе в комнату и запиралась.

Во время разыгрывавшейся ночью грозы, каких тем летом случалось немало, когда грохотал гром, сверкали молнии и ветер неистово бушевал, почудилось, что какой-то мистический зверь, по воле ветра заброшенный в распахнутое окно той комнаты, врывался через незапертую дверь в коридор блока. Там он в исступлении набрасывался на стены, толкался в двери, грозя выдавить их, как пробки. Он ревел и метался в поисках свободы… или жертвы.

Затем ветер постепенно стихал, и зверь, утомленный буйством, тоже успокаивался и на последнем вдохе ветра уносился назад в свой мистический мир.

Одна ночь так меня измотала, что я попыталась как-нибудь закрепить болтающуюся дверь. Все, что получилось сделать, так это просунуть между ручкой и косяком толстую деревянную палку. Дверь перестала открываться наотмашь. Но при сквозняке, возникавшем каждый раз, когда я выходила из своей комнаты или из блока, она, сдерживаемая палкой, начинала громко брякать и стучать. При этом ветер, бьющийся яростно в дверь и будучи не в силах сломать преграду, зловеще завывал в щели.

Когда ночью выходишь в блок, даже когда комнаты полны спящих студентов, чувствуешь, что кто-то над тобой надзирает. Этот кто-то обычно останавливался сзади на расстоянии шага и следил, не пропуская ни единого твоего движе-

ния. Большого удовольствия это, конечно, не приносило. И ты спешил закончить все свои дела и быстрее спрятаться у себя в комнате.

Теперь же, в совершенное безлюдье, когда все внимание фокусировалось только на мне одной и контролировались только мои действия, это было невыносимо.

И вот однажды… я тогда умывалась… на стене перед собой увидела тень. Ее огромный бесформенный силуэт слегка покачивался при неверном свете мутной лампы. В следующую секунду что-то коснулось моего плеча, и нечто, похожее на слабый разряд тока, прошлось по моему телу.

Не помню, как оказалась у себя в комнате. Зубы стучали, кровь шумела в голове, руки тряслись. Долго не могла успокоиться — все ждала появления этой тени в комнате.

После этого случая выйти поздно вечером в блок для меня представлялось сущей пыткой, и поэтому после двенадцати часов ночи комнату старалась вообще не покидать. Спать ложилась только со светом. Но даже он не избавлял меня от тревожного чувства неясной опасности, исходящей из района дверей. И я, не отрываясь, затравленно смотрела туда, как пойманный кролик смотрит на удава в ожидании решения своей участи. Иногда света настольной лампы не хватало, и, чтобы разбить сковывающий меня ужас, включала верхний…»

***

«…Летом в общежитии, не считая обслуживающего персонала, живущего в основном на первых двух этажах, и работающих студентов, затерявшихся на остальных семи, никто не жил. И вероятность встретить какое-нибудь живое существо ночью равнялась нулю. А я нередко возвращалась из рейса после полуночи, и восхождение с первого на мой шестой этаж требовало от меня немалой выдержки.

В общежитии — леденящая тишина. Едва различимый во мраке узкого длинного коридора свет одной, редко двух ламп порождает в уме странные фантазии о старинных подземельях и живущих в них призраках и привидениях. А на лестничных площадках можно с легкостью распрощаться и с жизнью. Лампы там встречаются через один или даже два пролета. Переходы из одного крыла общежития в другое, так же, как и вторая лестница, не освещаются совсем. И не надо смотреть фильмы ужасов — прогулка по ночному общежитию в каникулы не хуже всякого мистического триллера изрядно пощекочет вам нервы.

В блоке сумрачно. Единственная лампа едва мерцает. Конец ее близок. И она, словно догадываясь об этом, отчаянно пытается продлить свою жизнь хотя бы еще чуть-чуть.

Как-то я возвращалась из очередного рейса, было около часа ночи. Дрожа всем телом от мертвого безмолвия, царившего в общежитии в этот час, пробиралась к себе.

Стараясь не производить никакого шума, чтобы не привлекать чьего бы то ни было внимания, даже в своих белень-

ких туфельках со звонкими каблучками я осторожно поднималась по ступенькам почти на цыпочках. При малейшем подозрительном звуке, доносившемся до моего обостренного слуха, сердце у меня падало в пятки, я замирала, балансируя на кончиках пальцев, готовая в любую секунду броситься вниз к спасительному свету первого этажа. И только когда тот шум затихал, продолжала свой полный опасностей путь.

Сюда не проникал даже свет луны: многие окна и балконные двери были заколочены фанерой. Все стекла в них были выбиты студентами, уехавшими на каникулы домой. При каждом порыве свежего ветра они громко хлопали, и этот звук гулко отдавался в необитаемых коридорах. Не помня себя от страха, бормотала слова приходившей на ум молитвы: «Господи, сохрани и помилуй. Спаси и защити от всякой нечисти и подобной ей твари».

Четвертый этаж…

Пятый…

Вдруг прямо из-под ног выскакивает какая-то животина — то ли кошка, то ли крыса. От неожиданности я отпрянываю назад с воплем ужаса. Ну, наконец-то мой шестой и спасительная дверь в блок! Судорожно напрягаясь до предела, сведенными пальцами открываю замок, толкаю дверь, с нетерпением ожидаю света (свет в блоке никогда не выключался), а навстречу — полная темнота.

Я обмерла. Значит, лампочка все-таки сгорела. Как теперь зайду к себе в комнату?! Впереди темно, сзади еще темнее…

И что делать? Бежать вниз, будить вахтера? И что ей скажу: мне страшно, потому что боюсь темноты и привидений? И ведь надо еще дойти до первого этажа, а если она не пойдет, то и обратно…

Нет уж… Все эти рассуждения лихорадочно проносились в моем мозгу. Вдруг что-то прошелестело за спиной. Я так перетрусила! Держа наготове ключ от комнаты, вдернулась внутрь…»

Не забывай

Жизнь

Жизнь — не значит жить в покое,
Довольствоваться бытием,
Плыть по течению, не споря
Ни с судьбой и ни с самим собой.
Жизнь, прежде всего, — уроков прохожденье,
Их осознанье и уход от выученных тем.
Чем лучше будет тех уроков усвоение,
Быстрее произойдет на новый уровень подъем.

Катя ехала из аэропорта на рейсовом автобусе. Ее уволили, а точнее, не продлили контракт, на что она очень рассчитывала. Уволили на основе ложных доносов, написанных из-за зависти и, может быть, ее неопытности. Больше Катя не стюардесса.

«…На душе было скверно, обидно и досадно. Ну и ладно. Слезы душили меня.

Я сидела на первом сиденье. В мои мрачные размышления настойчиво вмешивался громкий разговор молодого человека в солдатской форме с кондуктором. Он рассказывал о своих полученных ранах и при этом с готовностью демонстрировал следы от пуль и осколков гранат. Больше всего эмоций у него вызывала гноящаяся рана на ноге.

Наконец мое внимание полностью переключилось на сол-

дата. Вынужденно, потому что он, как выяснилось, захотел поднять мне настроение. Слишком унылый был у меня вид, наводивший на окружающих тоску.

Алексей, так его звали, начал рассказывать всю свою историю заново. Теперь уже лично мне. И показывать ранения тоже мне одной. Из уважения к его переживаниям я терпеливо и внимательно его слушала.

На моей остановке он вышел вместе со мной. И с этого момента больше не отходил от меня ни на шаг! Не хотел отходить.

В городе Алексей был проездом. До дома ему оставалась еще ночь пути. И, как оказалось, он не торопился. Солдат радостно сообщил, что сегодня не уедет. Странно.

Высокий, худой, в тяжелых сапогах, он выглядел ребенком. Я не могла топнуть ногой и сказать: «Уходи». Что-то удерживало меня от этого поступка. А мое неубедительное «у меня много дел» совершенно на него не действовало. Он был готов следовать за мной куда угодно.

Так мы и ходили целый день. Куда я, туда и солдатик. Я сходила в университет — посмотрела объявления, затем в магазин — закупила продуктов. Наступило время идти домой.

— Пора спать ложиться, — сказала я, намекая, что ему пора меня покинуть.

— Мне некуда идти, если только на вокзал.

Моя соседка еще не вернулась с каникул, и одна кровать

оставалась свободной. Пришлось укладывать его спать в моей комнате в общежитии.

— Спи у меня. Но чтобы ко мне не приставать, а то сразу отправишься на вокзал, — повысила я голос в конце предложения.

Спал он смирно. Правда, лучше мне от этого не становилось. Я с нетерпением ждала следующего дня, надеясь, что он уедет.

С утра ушла по своим делам, он — на вокзал. Попрощались. Каково же было мое удивление, или, лучше сказать, неудовольствие, когда вечером я снова встретила его у своих дверей. Да еще в каком виде! На лице Алексея запеклась кровь, один глаз заплыл, не лучше выглядели и руки.

Спрашивать, что случилось, было не надо, он сам начал рассказывать.

— Иду я спокойно по какой-то там улице, сворачиваю в проулок. Там у меня попросили закурить какие-то нерусские. А сигарет у меня нет, за это и избили…

Слушая его историю, становилось ясно, что и сегодня он тоже не уедет. Еще один вечер предстоит слушать истории Алексея, которые от постоянного повторения уже набили оскомину. Ни о чем другом, как о своих ранениях, он говорить не мог…

На следующий день я снова ушла по делам, а он, очевидно, совершить очередную попытку уехать домой. Вечером, когда он вновь объявился, я почти с нажимом спросила:

— Купил билет?

— Купил, сегодня ночью уезжаю.

Следом за этим Алексей протянул мне тряпичную собачку с веревочкой.

— Ее можно повесить на гвоздик, — сказал он зачем-то, видя мое недоумение.

— Где ты ее взял? — спросила я, зная, что лишних денег у него нет.

Он замялся.

— Стащил? — не очень тактично сделала я попытку догадаться.

Алексей кивнул и протянул на ладони звездочку со своих погон.

— Это тебе на память.

Затем достал из внутреннего кармана фотографию и вручил мне.

— … чтобы не забывала.

Вздохнув облегченно, закрыла за ним дверь.

Неожиданно спустя какое-то время после его отъезда где-то в глубине души у меня возникло чувство, как если бы что-то упустила, словно я могла и должна была сделать какое-то важное дело, но не сделала. Это было кошмаром. Алексея подвел ко мне Бог, а я к нему не испытывала ничего, кроме раздражения…»

И Катя решила сделать это сейчас. Вспомнить о нем, поблагодарить его за тот маленький урок добросердечия, кото-

рый он преподнес, сам того не ведая.

ГЛАВА 3. ТУРОК

Лифт-ловушка

Наступил пятый курс Катиного обучения в университете. Учеба шла веселее. Скоро окончание. Впереди ожидалось еще написание дипломной работы.

Катя стремилась к совершенству во всем. Если костюмчик, то изящный, если читать книгу, то всю, от начала до конца, если иметь подругу, то близкую по духу.

Пока таковой девушка не встретила за все время обучения. Кому-то покажется это странным. Возможно. Таким натурам, как у Кати, замкнутым и глубоким, трудно дается обретение подруги по духу. И когда ее позвала одногруппница в гости, Катя с готовностью откликнулась.

«…Девушка она была улыбчивая, одевалась хорошо, жила в центре города в квартире вдвоем со своим другом. Не скажу, кто являлся собственником квартиры, она или ее друг, не знаю, но она часто рассказывала об их совместной жизни на переменах между парами.

Я слегка завидовала тому, что у нее был парень и ей не приходилось искать место, где помыться и постирать. Живя в общежитии, о городских удобствах мне приходилось лишь мечтать, и когда она позвала в гости, то у меня внутри под-

нялась радость и надежда на небольшое развлечение.

— Катя, приходи! Посмотришь, как я живу.

— Лена, а что если в эту субботу?

— Нормально, я дома буду. Приходи!

Примерно ближе к обеду я приехала по адресу девушки. Среди моих знакомых много Лен, сопровождавших меня по жизни. И ее звали Лена, как ни странно.

Зашла в красивый старинный дом эпохи советского периода, высокие потолки эхом отзывались на мои шаги в подъезде. Едва нажала на кнопку на лифте, как его двери распахнулись. Ничего не подозревая, я зашла внутрь и нашла кнопку «пятый этаж».

Лифт тронулся, но, проехав два с половиной этажа, вдруг встал. Ни туда и ни сюда. Я стала нажимать разные кнопки, — никакого движения. Меня охватила растерянность. Что делать, не имела никакого понятия.

Прислушалась. Кто-то шел внизу. Хлопнула дверь. Нет, не вверх. Стала ждать. Через какое-то время вновь послышались шаги. Опять хлопнула квартирная дверь, где-то ниже. Эх, как выбираться отсюда?

Так! Кто-то поднимается по лестнице. Я принялась стучать в двери лифта. Снаружи остановились.

— Эй! Кто-нибудь… — позвала я. — Лифт остановился, помогите!..

Какие-то неразборчивые слова донеслись до меня.

— Вызовите лифтера, — попросила громче.

— Попробую, — различила мужской голос.

Послышались шаги вниз. Прошло минут пятнадцать. Шаги вернулись. Мужчина спросил:

— Вызвал слесарей, сказали в течение двух часов придут. Как вы там?

— Сижу… Переживаю, хватит ли мне воздуха…

— А вы в какую квартиру шли? Может быть, позову ваших знакомых.

Я назвала.

— Это на пятом этаже, нет, не знаю, а кто там живет?

— Там Лена Кривольская живет.

— Нет, не знаю такой, — еще раз ответили мне. — Как бы лифт открыть, — стал рассуждать вслух мужчина. — Я сейчас попробую чем-нибудь раздвинуть двери.

— Хорошо бы, а то тяжело дышать становится, — сказала я.

Слышно было, как мужчина удалился. Через некоторое время он вернулся и начал всовывать какой-то инструмент между дверцами. У него получилось, и дверь немного приоткрылась, сантиметров на пятнадцать. В образовавшуюся щель я разглядела молодого мужчину. Он пробовал раздвинуть двери и дальше, они не поддавались.

— Ну ладно, — наконец сказал он. — Лифт застрял между этажами, поэтому дверь не открывается больше. Если б он застрял на этаже, то можно было бы открыть.

Я смотрела на мужчину, и моя голова находилась пример-

но на уровне его пояса. Да, неловко как-то.

— Лифтеров я вызвал, воздух у вас есть, — продолжил он, немного наклонившись ко мне. — Я пойду. Мне за дочкой надо в детский сад идти.

— Конечно, идите, — с печалью в голосе сказала я, не представляя, сколько мне тут сидеть взаперти.

— Дождетесь слесарей, вам откроют. Я-то все равно больше ничем помочь не могу.

— Спасибо вам!

Мужчина ушел. Прошло примерно полчаса или более, как послышались шаги сверху. Двое разговаривали между собой, и мне показалось, что звучит знакомый голос. Я прильнула к щели. Мимо проходила девушка, и это оказалась Лена. С ней рядом шла моложавая женщина.

— Лена, — окликнула я девушку.

— О! Катя! Ты что там делаешь? — захихикала она.

— Я к тебе в гости пришла, — сказала я.

— А ты что, застряла? — Лена еще больше захихикала.

— Как видишь… Слесарей вызвали, жду.

— Ну, ладно… сиди… — Лена собралась идти дальше.

— Лена, ты куда? — окликнула я одногруппницу, глядя на нее снизу вверх.

— Мы в баню пошли. Воды горячей нет, отключили, помыться надо.

— А ты когда вернешься? — пыталась ее как-то удержать.

— Часа через два… — возникла пауза. — Ладно, пока,

— добавила она.

Лена со своей спутницей ушли. В одно мгновение моя душа испытала сгусток разных эмоций. Человек пришел к ней в гости, застрял в ее лифте, а она при виде своей одногруппницы, зная, что ей нужна помощь, ушла по своим делам, как ни в чем не бывало. Как так? Да хоть бы сказала подождать ее или отложила бы свою баню, к ней же в гости пришли в первый раз. Я специально не поехала к родителям, решив к ней сходить.

Когда открыли лифт, я незамедлительно ушла прочь, подальше от этого безразличия и черствости. Подругами с Леной мы не стали, но ее россказни о друге и налаженной и обеспеченной жизни меня больше не интересовали…»

Знакомство

Если серьезных дружеских отношений Катя так и не завела, то для легкого времяпрепровождения у девушки появилась приятельница. Она познакомилась с ней однажды на дискотеке.

Та стояла одиноко у колонны в зале, и Катя осмелилась позвать ее составить ей компанию. С тех пор девушки время от времени виделись на дискотеках. Катя, как правило, заходила за Таней, — так звали подругу, которая жила с мамой в квартире в пятиэтажке в соседнем микрорайоне. Мама не всегда легко отпускала дочь, но Таня старалась отпроситься, она тоже искала свою любовь.

«…Напротив общежития располагался Дворец культуры. В один из осенних выходных мы с Таней в очередной раз пошли на дискотеку. Настроение было особенно приподнятым: в тот день пришло необычно много людей. Вскоре зазвучала медленная мелодия. Мы с Таней отошли в сторонку.

Вдруг ко мне подошел мужчина средних лет и, говоря с заметным акцентом, пригласил на танец. Культурно так. Мы потанцевали. Следом за этим предложил посидеть в кафе-баре, что располагался в соседнем от танцпола помещении. Там за столиком сидел его друг. Я позвала Таню с собой, но мои новые знакомые пришлись явно ей не по душе, и она быстро ретировалась.

На столе в баре — спиртное, сигареты. Я не курила. Немного выпила вина. Мой знакомый назвался Нуриттеном. Ну и имечко, зато не затертое. Сразу понятно, что из глубинки Турции приехал. Мы весело пообщались. Мое знание языка облегчило задачу. Он говорил по-английски лучше, чем по-русски.

У нас завязалось общение. Мой знакомый работал инженером по крыше на стройке, осуществляемой турецкой фирмой. Строили гостиницу. Стройка находилась недалеко от моего общежития…»

Через некоторое время Нурритен позвал Катю к себе в гости на съемную квартиру, где проживал один. Квартира располагалась в центре города, в трех остановках от университетского общежития.

С тех пор девушка часто приходила туда, и через некоторое время и вовсе переехала к Нурритену.

Вечерний страж

Несмотря на то, что квартира располагалась на седьмом этаже, она была мрачноватая и угрюмая. И находиться в ней одной было неуютно даже днем. А Кате часто приходилось ждать прихода друга до двенадцати и порой до часа ночи.

По мере приближения сумерек квартира начинала наполняться странными паутинообразными нитями, расходившимися во все стороны. Эти нити постепенно расширялись и уплотнялись. Они разбухали до такой степени, что заполняли собой все пространство квартиры. И Катя уже не ходила, а буквально продиралась сквозь них.

И как только начинало смеркаться, она включала свет везде: в прихожей, на кухне, в одной из комнат и даже в ванной и туалете. Свет защищал ее. Он не давал «неорганическим» существам материализовываться.

Оставались еще две неосвещенные комнаты, и когда девушка проходила мимо них, то испытывала непреодолимое чувство, что стоит ей немного замешкаться около них, как ее тут же поглотит тьма.

«…Мне еще повезло: за тот период времени, какой мы жили в квартире, ни разу не отключали свет.

Позже перегорела лампочка в прихожей, а она была связующим центром квартиры. В нее выходили все три комнаты, кухня, санузел. И чтобы хоть как-нибудь размыть нахлы-

нувшую в нее темноту, я включала свет в тех двух комнатах.

После одиннадцати часов вечера я прекращала всякое хождение по квартире. Забиралась в кресло или на диван в большой комнате, включала музыку, чтобы не давила тишина, и учила уроки или, говоря точнее, пыталась что-либо учить.

Иногда мой страх перед обитателями тьмы доходил до такой степени, что, кроме всего прочего, включала телевизор, надеясь, что это поможет остановить неудержимо нараставшую панику.

В какой-то момент у дверного косяка появлялась фигура «главного стража» квартиры. Он стоял, прислонившись к стене, загораживая проход больше, чем наполовину. Мной овладевал такой невыразимый ужас, что я начинала судорожно умолять его: «Только не показывайся мне! Я не хочу тебя видеть! Я не могу видеть тебя!» И уже чуть не плача: «Не показывайся, пожалуйста». Страж стоял, не двигаясь, и только пристально за мной наблюдал. Его замораживающий взгляд пригвождал меня к месту, и я теряла всякую способность концентрироваться на какой-либо мысли. Так мы и смотрели друг на друга. Я, боясь лицезреть его, была готова в любую минуту отдать концы. А он, питаясь моим страхом, потихоньку вытягивал из меня жизненные силы.

Это продолжалось до тех пор, пока в прихожей не раздавался звонок. Тогда я с отчаянной смелостью бросалась открывать дверь. С приходом моего друга власть менялась. Он

не признавал существование никаких духов, никаких альтернативных миров…»

Это делало Катиных мучителей бессильными. И они прекращали охотиться на нее и отступали…

Роковой портрет

«…Мой турецкий друг любил рисовать. Повсюду в квартире стояли картины, написанные маслом на холсте. Ряд из них не был закончен. А те, что были завершены, можно было бы отнести к неплохим работам. Некоторые мне очень понравились. То, что у моего друга был художественный вкус, стало очевидным, когда я принимала душ в ванной. Она имела общую стену с туалетной комнатой. Под потолком комнаты соединялись застекленным окном.

Занавески не наблюдалось в ванной. Моюсь я как-то. Вдруг, наклонившись за мылом, краем глаза захватила что-то в том окне. Я вздрогнула, испугавшись. Посмотрев на окно еще раз, увидела Нуриттена, во все глаза созерцавшего меня. Потом он мне объяснил, что у меня очень красивое тело и он не мог не смотреть.

И пошло после этого. Мне приходилось позировать перед ним. То во время подготовки к семинарам мне нужно было замереть, то он не давал сойти с кровати, и приходилось лежать, не шевелясь, пока он не заканчивал набросок. Это был самый романтичный период наших отношений. Дело шло к замужеству. Нуриттен все чаще поговаривал о поездке к родителям. Я боялась, хотя втайне лелеяла мысль об этой поездке.

Нуриттен не был красив и телом не очень вышел. Эти

недостатки перекрывала его любовь к музыке. Он слушал разных исполнителей, как то: Стинг, Крис де Бург, Робби Уильямс, Джо Кокер, но предпочтение отдавал песням Элтона Джона. Душа Нуриттена плакала под его пение.

Красивая лирическая музыка, о существовании которой ранее и не догадывалась, вошла в мою жизнь. Нуриттен, сам того не зная, открыл для меня мир звуков и картин.

Однажды случайно, делая уборку в одной из комнат, наткнулась на портрет. На большом холсте формата А1 я увидела себя…

О Боже, портрет показывал мне себя, да такую красивую! Немного в турецком стиле, с пунцовыми губами, пышными волосами, распущенными по плечам, в какой-то неизвестной мне кофте. Проникнув благодарностью к своему другу, решила ничего не говорить о своей находке. Подумала, когда наступит время, он сам покажет портрет, а пока не стоило лезть с расспросами.

С этим портретом вышла история.

У нас все шло хорошо, если бы не жуткий случай. У хорошего всегда есть оборотная, темная сторона. Эта сторона проявилась в его турецкой крови, а моя — в моем природном упрямстве.

Оговорюсь, не судите строго! Мало ли что у вас в жизни происходило или еще произойдет.

К Нуриттену как-то заявились гости: супружеская пара — турок и русская. Они засели на кухне. Нуриттен сказал мне

сидеть в своей комнате и учить уроки и закрыл в комнату дверь.

Мне стало так обидно! Я села на кровать, не зная, как поступить в этой ситуации. Из кухни раздавался смех, громкий говор. Им явно было очень весело. И без меня!

Я пошла на кухню, желая стать частью веселья. Стол был накрыт яствами восточной кухни — гости привезли с собой. Нуриттен снова меня выпроводил, ссылаясь на то, что мне надо писать диплом, а они долго просидят. Он наложил мне в отдельную вазу фрукты и конфеты, я прихватила со стола нож для очистки плодов. Меня словно не замечали, будто я — пустое место.

Я была взбешена. Какие уроки?! И почему они должны там веселиться, а я тут одна сидеть?! Мог хотя бы внятно объяснить, чем ему так дороги гости и почему хочет, чтобы он сидел там с ними один…

Обвела глазами комнату — мой взгляд упал на портрет. Вместе с ним еще несколько картин стояли там. Подоконник был просторным, окно высоким, и на нем хватало места для размещения около десятка холстов в багетах. Я взяла нож и… порезала картину!

Раз… другой… третий… Достаточно.

Мой гнев улетучился. Ох! Что я наделала?

Он же меня убьет!

Эта картина — его творение, которое он создавал втайне, вероятно, много значила для него!

Что было дальше, лучше не описывать, все равно не поверите. Нуриттен почувствовал неладное. Унюхал. Пришел. Увидел. Набросился на меня. Я забралась на подоконник.

— Если только тронешь меня, порежу все картины! — сказала я, выставив нож перед собой.

Он кричал, как раненый зверь.

Гости прибежали на крик.

Он показал им на мою «работу». Художник стенал. Захотелось убежать прочь из квартиры и вернуться в общежитие. Его драгоценные гости позволили мне сойти с окна, выйти в коридор, и там они меня схватили.

Один бежал за веревкой, другая держала, третий связывал меня. Мне связали руки и ноги и положили на пол прямо у входа, головой рядом с грязным ковриком.

Пока меня связывали, я кричала в истерике. Мне заткнули рот кляпом. Все произошло очень быстро.

Где они только веревки нашли? С собой привезли, что ли? Практикуют, наверное, такое обращение с людьми. Меня оставили лежать на полу в прихожей, а сами снова ушли на кухню. И закрыли там дверь.

Что я чувствовала, описывать, пожалуй, не нужно. Слезы, обиду на Нуриттена, сожаление о содеянном, злобу на гостей.

Через какое-то время Нуриттен подошел ко мне, достал кляп.

— Будешь еще так делать? — спрашивает.

— Нет, не буду… — проговорила я.

Но меня не развязали. Дали еще полежать. Примерно через час гости ушли. Тогда меня развязал мой будущий жених.

Я молча собрала вещи и ушла в общежитие. Это было лучше всего. Примерно через два дня нарисовался Нуриттен. Мы поговорили, все выяснили и даже посмеялись…»

Катя и Нуриттен простили друг другу все. Правда, Нуриттен больше не рисовал свою возлюбленную. От всего его творчества у Кати сохранилась только парочка набросков.

Турецкая невеста

«…Все обиды были позади. Я ехала в Турцию. Мой друг Нуриттен как будущий муж хотел показать меня своей семье. Признаюсь, было страшновато: а вдруг не понравлюсь?

Надо сказать, что перед поездкой мы с Нуриттеном посетили моих родителей. Мама должна знать, с кем отпускать свою дочь. Нуриттен привез полный пакет продуктов, пакет фруктов. Он был вежлив и корректен. Мама и папа видели, что их дочь очень увлечена своим ухажером. Глаза сияют, у того вроде тоже…»

Несколько слов о родителях Кати. Это простые люди интеллигентных профессий. Мама всю жизнь проработала бухгалтером и экономистом. Добывала хлеб своим бесконечным трудом. Папа из каменщиков сделал себя специалистом — тренером по шахматам. «Сделал себя» означает, что сам научился играть в шахматы, получил высокий разряд, сам написал программу обучения подопечных, сам приложил усилия для открытия шахматного клуба в своем поселке.

Родители Кати, безусловно, были бы рады сложившейся жизни своей дочери, поэтому благословили Катю на поездку. И если опасения у них при этом и имелись, то Катя о них ничего не знала. Боялись, наверное, спугнуть птицу счастья.

«…Его семья жила далеко в глубине страны, в обыкновенном провинциальном городе Газиантепе. И чтобы попасть

туда из Стамбула, нам нужно было ехать всю ночь на автобусе (вид транспорта выбирал Нуриттен). Путешествие, занявшее более двенадцати часов, меня утомило так, что, когда мы достигли Газиантепа, хотелось одного — спать. Но впереди меня ждала встреча с семьей старшего брата Нуриттена — Мехмеда, и мое желание я положила в сундучок.

В доме брата — он встретил нас на автовокзале — Нуриттен представил меня Айше, жене Мехмеда, их одиннадцатилетней дочери Ниде и четырехлетнему сыну Мурату, которые мне сразу очень понравились. Когда прошли в гостиную, показалось, что я попала в музейную залу, в которой были выставлены позолоченные чаши и блюда на низких резных столиках, роскошный диван, величавые кресла и стулья с высокими спинками…

После завтрака, довольно приторного (я еще только начинала пробовать турецкую кухню, и многие блюда вызывали у меня по меньшей мере недоумение), Айша провела нас в комнату, в которой она по моей просьбе уже приготовила постель.

Турецкая постель явилась для меня полной неожиданностью. Она представляла собой широкую, высокую, мягкую и вместе с тем упругую перину, которая располагалась прямо на полу в центре комнаты. Никакой кровати, которая бы ее поддерживала. И я испытала огромное наслаждение, когда, наконец, после утомительной дороги и стрессового знакомства с родными моего дорогого турка, растянулась на ней.

Зайдя в ванную комнату, совмещенную с туалетом, мои чувства пришли в состояние тихого восторга. Она представляла собой просторную комнату, сверкающую чистотой. Оглядевшись, решила принять турецкий душ. Он отличался от привычного европейского тем, что его можно было принимать не только стоя, а также сидя и лежа на теплом кафельном полу.

Чуть позже сделала еще одно открытие. Оказалось, что в этой комнате можно, удобно расположившись в углу на унитазе, свободно разглядывать себя в висящее на противоположной стене большое зеркало и заодно думать о преходящих материальных ценностях этого мира.

Отдохнув с дороги и плотно пообедав, мы все вместе отправились к отцу Нуриттена, жившему со своей новой женой (мать Нуриттена умерла много лет назад) и дочерью Эссин, сестрой Нуриттена. Я дрожала как осиновый лист, когда мы подходили к дому Ахмеда, так звали отца. Лихорадочно пыталась вспомнить какое-нибудь приветствие на турецком языке. Пришлось бормотать русское «здравствуйте». Мое волнение улеглось, когда вместо грозного главы семейства, каким описывал Нуриттен отца, увидела доброжелательное лицо старого человека.

Потом мы все сидели в гостиной, пили чай, ели фрукты и разговаривали. Вернее, разговаривали они, а я лишь изредка кратко отвечала на задаваемые мне вопросы (переводимые на русский Нуриттеном) и в общей беседе участия практи-

чески не принимала.

По окончании визита Нуриттен сообщил мне, что отец разрешает ему жениться на мне, и что я произвела на всех благоприятное впечатление.

На ночь мы вернулись в дом семьи брата.

Утром проснулась от того, что какой-то очень заунывный, но красивый звук проникал в комнату. Прислушалась: на улице кто-то протяжно пел на арабском языке. Лежа с закрытыми глазами, наслаждалась этим удивительно чистым и звенящим в предрассветной тишине пением. Мое воображение незаметно перенесло меня в древность, окутывая какой-то невысказанной тайной и одновременно напоминая о чем-то, до боли знакомом, но очень давно безвозвратно утерянном в веках. Позднее Нуриттен объяснил, что утром и вечером со всех минаретов поется ежедневная молитва, называемая «азан».

Нуриттен ушел по каким-то своим делам, а вечером мы пошли гулять по городу. Нуриттен показал мне и своим сестрам, которых мы позвали с собой, одно из таинственных местечек, в которых бывают только отчаянные влюбленные. Там, укрывшись от придирчивых глаз моралистов, за чашкой кофе или без него, встречаются парень и девушка, чтобы поговорить о своей любви…

Попив горький кофе и ничего не сказав о своей, мы вышли на улицу.

Когда мы уезжали, нас провожала вся семья Нуриттена.

На прощанье все женщины, одна за другой, целовали меня. Айша даже всплакнула, и я готова была сама заплакать.

По прибытии в Стамбул Нуриттен захотел показать меня еще одним родственникам — семье родного брата отца Айхана, которого он очень любил. Нас встретили хозяйка, сам Айхан, бабушка, двое взрослых статных сыновей и очень красивая шестнадцатилетняя дочь Факма. Все, кроме бабушки, владели в той или иной степени английским, и потому наш разговор здесь более походил на общение.

Побыв у них немного и попив турецкого чая, мы попрощались. Они же, провожая нас, предложили мне остаться у них жить, а их детям стать сестрой, что прозвучало весьма неожиданно и не могло не тронуть меня. Я тоже чувствовала, что все они как-то вдруг стали родными для меня…»

Мечты прошлого

Нуриттен работал в строительной компании с мировым именем, и по очередному контракту ему пришлось уехать в один из подмосковных химических городков строить совместный с российским завод по производству женских прокладок.

А Катя оканчивала университет, мечтала о замужестве и пылала готовностью следовать за любимым, куда бы то ни было. Нуриттен звал ее к себе, говорил, что скучает безумно и ждет каждый день. Много ли нужно молодой влюбленной девушке, мнящей себя уже счастливой с человеком, с которым прожила почти год, полностью доверяя ему и ожидая от жизни больших перемен? И едва защитив диплом, не думая ни о чем и сжигая за собой все мосты, Катя устремилась на его зов.

«…В начале нашей совместной жизни мне ни о чем не приходилось жалеть, ведь на поверку все мои мечты стали реальностью.

Новое место жительства, муж без пяти минут, свободный «график» жизни. Это, как я сначала думала, значит, когда сам себе хозяин, ни перед кем не надо держать отчет за свои действия.

Спустя месяц Нуриттен предложил мне работать переводчиком в его фирме.

— Не хочу!

Мой отказ вызвал на его лице гримасу неудовольствия. Собственно, этим он и ограничился, не сказав больше ни слова о работе. Рабочий день с восьми и до восьми с одним выходным в неделю, хотя бы и за доллары, меня совершенно не устраивал. И, несмотря на то, что это была возможность реализовать свои профессиональные умения, отсутствие свободного времени не входило в мое представление о семейной жизни.

Прошло полгода, и все эти мечты стали для меня мечтами прошлого. При ближайшем рассмотрении они казались весьма невзрачными. Эту невзрачность усиливало мое одиночество: работа моего любимого длилась от зари до зари при двух выходных днях в месяц. Кроме того, страшное экологическое состояние городка, где нам пришлось осесть: отравленный воздух, отравленная вода, чахлые деревца и такие же люди — порождали чувство утраты чего-то прекрасного и естественного. Мое одиночество и безделье давали мне возможность читать и думать.

Я искала пути познания мира и вселенной, желая проникнуть в тайны и глубины мира, о существовании которых обычный человек даже не подозревает. От этого желания у меня дрожало все внутри, и я, как натянутая струна, жаждала, чтобы на ней сыграли волшебную симфонию.

Я путешествовала по разным мирам вместе с Карлосом Кастанедой, он первый открыл для меня, что все окружаю-

щее нас есть лишь наше желание, наши представление, и мы не видим ничего дальше них. Тогда как на самом деле мир совершенно другой — намного ярче, богаче, он необозрим и бесконечен в своем проявлении.

Как-то мой друг мне сказал: «Ты не со мной. Ты со своим Кастанедой». И это была правда. Нуриттен умел улавливать мое внутреннее состояние и чувствовать мое отношение к нему очень тонко. Я же хотела быть с ним, звала его с собой, звала познавать незнаемое. Но мой друг меня не понимал, он самодовольно заявил:

— Я все уже знаю, что следует знать, и нет ничего, что можно было бы еще узнавать.

И это стало концом, вернее, началом конца.

Наши отношения начали стремительно разлагаться. Все, что нас объединяло, безвозвратно рушилось. Мои мысли, чувства, желания тянулись вверх робкими росточками. Его же — стлались низко к земле, мертвой петлей перетягивая мои тонкие всходы. Так создавались условия для моего побега.

И вот настал день, когда я села в поезд и уехала домой, сказав своему призрачному счастью: «Прощай, ты — не мое! Мое счастье — другое. А какое, я узнаю позже».

Катя вернулась в свое родное гнездо. Там она устроилась работать учителем в школу. Платили крайне мало, и когда наступило лето, Катя нашла работу в пионерском лагере.

ГЛАВА 4. ПЯТЬ МГНОВЕНИЙ СЧАСТЬЯ

Мгновение первое. А баня будет?

«…В то лето мне довелось работать вожатой в летнем детском лагере. Для меня это лето поделилось словно пополам. Первые две смены, которые я проработала в отряде шестилетних детей, и вторые две смены, совершенно противоположные первым, которые провела в спортивных отрядах. Если с шестилетними детьми я была загружена с утра до самой ночи, то дети спортивного отряда были полдня сами заняты своими тренировками.

Начну с рассказа о первых двух сменах.

На сорок маленьких детей в отряде приходилось трое взрослых воспитателей. С самого утра малышню необходимо было поднять, кое-кого одеть, простыни, описанные, снять, застелить другими, кровати поправить. Целый день приходилось с ними безотлучно играть, развлекать, смотреть за тем, чтобы не повредились сами и не повредили друг друга. Вечером же — проследить, чтобы все умылись, и уложить их спать.

За день так наскачешься, что после отбоя падаешь и мгно-

венно засыпаешь. Никакого снотворного, только ощущение дикой усталости.

Особые дни в лагерной жизни — это банные дни. Старшая воспитатель мне сказала:

— Ты будешь следить за мальчиками в душевой, мы (имея в виду себя и еще одну вожатую) — за девочками.

Понятно, что с девочками хлопот намного больше. Помочь вымыть длинные волосы, включить-выключить душ, помочь одеться. А главное, следить за напором воды в предбаннике. Там следовало осторожно отворачивать большие вентили с горячей и холодной водой.

Мне как-то не по себе стало от такого задания.

— Мальчики могут и сами справиться с кранами. Что за ними следить? — запротестовала я.

— Мало ли что… Горячая вода — это не шутки! Еще могут ошпариться. Смотри за вентилями, чтобы не играли, — наставляла старшая воспитатель.

Мальчики есть мальчики. Если бы я была мальчиком, то мне бы явно не понравилось присутствие представительниц женского пола в душевой. Делать нечего, я открыла дверь — «А если не справлюсь?» — и осторожно вошла внутрь.

Ребята, кто как мог, быстро прикрылись одеждой, которую уже успели снять.

— Буду помогать управляться с водой, — попыталась я оправдать свое вторжение, жутко смущаясь.

— А мыться вы тоже будете? — поинтересовались самые

продвинутые. — Раздевайтесь!

И сами при этих словах бочком-бочком, похихикивая, проскакивали мимо меня в мыльню. Большинство детей все же восприняли мой приход совершенно спокойно. Одним словом, малыши еще…

Я прошла к этим злополучным вентилям, из-за которых здесь оказалась. Успела вовремя. Их уже начинали крутить. Отрегулировала воду, глянула, как пацаны справляются с мытьем. Все мылись сами, кроме одного мальчика, его пришлось вымыть. Кто вымылся, молниеносно влетал в раздевалку. Но меня уже никто не стеснялся. Разгоряченные, они только хотели быстрей оказаться на улице. Пар окутывал меня, и вода стекала с меня ручьем.

Вечером пришло время укладывать их спать. Вот тут-то и началось. Как обычно, ничего не подозревая, присела на пустую постель, стоявшую посередине палаты. Поболтать перед сном… ну, то есть настроить своих подопечных на сон.

В этот раз мальчики что-то чрезмерно расшумелись.

— Все, хватит… Спать! — скомандовав, собралась идти.

— Мы вас не отпустим, — послышалось в ответ.

Мне стало смешно.

— Как это не отпустите? — подначила я их.

— А так. Мы вас свяжем, — сказал кто-то.

— У вас не получится…

— Получится, — заверили меня ребята.

— Ладно, спите, — попыталась урезонить их, — а то так

и не уснете.

Я встала, чтобы покинуть комнату. Не успела дойти до двери, как кто-то громкий крикнул: «Держи ее!»

В одну секунду все двенадцать человек вскочили с кроватей и… бросились на меня.

Через секунду я оказалась поваленной на ближнюю к дверям кровать, у которой была в момент нападения. Безудержный смех распирал меня. Мои руки и ноги крепко были стиснуты несколькими парами рук. Невозможно было даже пошевелиться, каждое мое движение сразу же блокировалось. А сверху еще наваливались и наваливались горячие полуголые тела мальчишек. Шум при этом поднялся невообразимый. Мне стало немного страшно. Задушат!

— Это еще что такое?! — вдруг раздался грозный голос старшего воспитателя, неожиданно появившейся в палате.

Ребят мгновенно разнесло по углам. Ошарашенной и растрепанной пришлось предстать перед глазами старшей коллеги, как будто я была не воспитателем, а нашкодившей девчонкой из отряда. Она, молча, оглядела меня с ног до головы и посторонилась, освобождая мне дорогу. Пристыженная я выскочила в коридор.

Одновременно с этим меня распирало от переполнявших счастливых эмоций. Всем своим существом понимала, что произошедшее само по себе невероятно и… прекрасно. И в глубине души было все-таки досадно, что нам помешали. Функции воспитателя не позволяли таких вольностей, и по-

этому продлить себе непередаваемые ощущения было не в моей власти.

Хорошего понемножку!

После этого случая несколько дней не дежурила на мальчишеской половине, причем сама попросила старшую об этом. Я только заглядывала к ним на минутку, чтобы сказать «Спокойной ночи!», и сразу уходила. Но на следующий банный день я снова была у них в карауле. И встречали меня почти аплодисментами. А впрочем, мне, наверное, это показалось…»

Мгновение второе. Ночной дозор

Милая загадочка

Природа стихла. Затаилась
Пред тобой, Красавица!
Ты сегодня верховодишь,
Милая Забавница.
Стихли князе и бояре, —
Не робей, Загадочка.
Леденишь ты целый свет, —
Трепещу, Беляночка!
Дрожь ресниц, дуга бровей, —
Не покидай, Лебедушка!
Лишь аромат растекся вслед, —
Ну прощай, Черемушка…

«…Как шквал, как мощная волна промчались первые двадцать четыре дня. Пришло время встречать новых ребят, таких же сопливых и в чем-то беспомощных. Было тоже очень весело, игриво, «банно».

В этот раз история с «мщением» своему любимому воспитателю, к моему большому удивлению, собиралась повториться. Но я не позволила подступиться к себе близко. И, может быть, было воистину жаль, что пришлось не позволить.

К тому времени я успела завоевать уважение со стороны тех, с кем заступила на эту новую смену — старшего воспи-

тателя Татьяны Викторовны и ее семнадцатилетней дочери Лены, с которыми мы подружились с первого дня работы.

Лена все больше занималась своими делами, и, несмотря на то, что мне и ее маме приходилось работать за троих, я не роптала, ибо мне нравилось заниматься тем, кем занималась — детьми, доверенными нам их родителями. На этот раз речь пойдет не о детях, а о тех, с кем мне довелось жить и воспитывать этих детей.

В лагере каждые три дня устраивали танцы для всех желающих. По правилам лагеря шестилеткам дозволялось плясать до полдесятого. После этого мы выводили из клуба своих подопечных, чтобы уложить их спать на час раньше остальных отрядов. Они послушно бежали в отряд. Уложив в постель все сорок человек, мы с Татьяной Викторовной начинали ждать нашу Лену. С некоторых пор она стала задерживаться на танцульках.

Рядом с лагерем располагался дачный поселок, оттуда к нам в лагерь наведывались трое парней лет двадцати — двадцати трех. Они очень вольно чувствовали себя на территории лагеря. И когда они появлялись в клубе, то походили на черных воронов, выглядывающих, как бы поживиться чем-нибудь сладеньким. Они почти не танцевали, все больше кривлялись, насмешничая над другими. Чаще они сидели на лавках, оглядывая зал, или ходили между танцующими.

Они мне очень не нравились. Про таких молодцов говорят «хлыщи». У самого высокого из них на голове постоянно

пребывала большая черная шляпа, из-под которой не было видно глаз, что усиливало его сходство с вороном. Другим двум хотелось посоветовать больше гулять на улице, такими они были невзрачными и бесцветными на вид.

После танцев Лена и ее ухажеры подолгу задерживались на улице, и мы часто засыпали с Татьяной Викторовной, не дожидаясь ее прихода.

Татьяна Викторовна очень волновалась за свою немного легкомысленную дочь. Та не только болтала с парнями, стоя на веранде отряда, но и начала вдруг уходить с ними в дачный поселок, где они жили. После нескольких таких отлучек своей дочери, из-за которых очень переживала и мало спала, Татьяна Викторовна решилась на отчаянный поступок.

Она предложила мне побыть «подружкой» Лены. По ее задумке, однажды вечером, а лучше всего завтра, я должна «захотеть» погулять вместе с Леной.

Бредовая идея, но я не могла отказать Татьяне Викторовне, разделяя ее беспокойство.

Наступил вечер. Я, должна признаться, нервничала.

Все происходило до смешного просто. Вышли мы с Леной к условленному месту встречи с ее дружками. С первого взгляда на меня ребята поняли все.

— Охранять пошла? Как бы Лену не съели? — съязвили они.

— Посмотреть, чем вы занимаетесь, — подыграла я.

Парням явно не по вкусу пришелся мой выход.

Ночь, луна в небе, а мы, покинув безопасный лагерь, шагаем в дачный поселок, до которого идти не более километра.

— Зря волнуется Татьяна Викторовна. Мы же ничего не делаем плохого, — говорил слащавым голосом худощавый парень, извиваясь угрем около меня. Он представился Толиком.

Я не отвечала. Очевидно, что им мешало мое присутствие. Как бы то ни было, я ощущала странную приподнятость настроения. Мне нравилось идти ночью по незнакомой местности, выступая в роли невольного блюстителя нравов. Волнующее чувство ночи и скрытая внутри дрожащая радость усиливали мое состояние.

Лена шла рядом с высоким парнем в шляпе. Она как-то глуповато улыбалась. Войдя на территорию дачного поселения, наша «славная» компания остановилась у деревянного домика. Лена и двое из парней, включая того, кто в шляпе, прошли ближе к дому. Сопровождающий меня Толик предложил пройти на его дачу, расположенную в нескольких домах от того места, где мы стояли.

— Я никуда не пойду без Лены! И буду стоять здесь, на улице! — громко заявила я.

О чем-то пошептавшись со своим дружком и Леной, парень в шляпе подошел и что-то сказал Толику.

— Ну-ка, о чем вы там шепчетесь? — строго спросила я, предчувствуя недоброе.

Парень в шляпе объявил, что все они тоже пойдут на дачу. Мы дошли до двухэтажного дома за каменной оградой, поднялись на второй этаж и остановились в большой мансарде, не проходя дальше в комнаты. Зажгли тусклую лампу, свисающую с потолка. Меня не покидало чувство, что случится что-то нехорошее. Парень в шляпе слонялся по мансарде, а вместе с ним слонялись его дружок и Лена. Через минут пять «шляпа» обратил внимание на мое напряжение.

— Расслабься… Ничего плохого не будет…

— Мы скоро придем, — бросил как бы невзначай и быстро скрылся за дверьми.

За ним последовали его дружок и Лена.

— Лена? — тревожно окликнула ее.

Но только платье мелькнуло в дверях. Не стану же я бежать за ними следом!

Не хотелось ни пива, которое мне усердно предлагал Толик, ни играть в карты, которые меня вообще никогда не интересовали. Он, бедный, не знал, чем меня занять.

— Ну, ладно, давай поговорим, — наконец сказал он.

Разговор не получался, я сидела как на иголках и все порывалась пойти за Леной.

— Они скоро придут, — без устали твердил Толик и не давал мне подойти к дверям, кружа вокруг меня, как ястреб.

Это «скоро» что-то затягивалось. Прошло, должно быть, около получаса. Терпение заканчивалось. Пока сижу здесь, они там занимаются тем, чего я не должна была допустить.

— Пойду! Мне надоело ждать! — заявила я Толику.

— Тебе ее не найти, — тон моего собеседника стал умоляющим.

— Я буду кричать и разбужу весь поселок!

— Еще немножечко, она уже должна прийти, — торопливо залепетал Толик, пытаясь не подпустить меня к выходу, но и не решаясь применить силу.

Не хотелось поддаваться его уговорам. Оттолкнув его, уже через минуту я стояла у того дома, где мы останавливались первый раз. Толик не отставал. Я потребовала Лену во что бы то ни стало. Толик свистнул пару раз.

Лена появилась через долгих несколько минут, вся какая-то неопределенная и с блуждающими глазами. Дружок в шляпе не появился.

— Лена, пошли, — сказала я жестко и решительно.

— Иду, — едва слышно проговорила она и покорно поплелась за мной.

Почти силой пришлось тащить ее в лагерь. Я торопилась. Когда подошли к нашему корпусу, она попросила:

— Не говори ничего маме. Придумай, что мы играли в карты.

Ради чего молчать? Не могу сказать, что такое поведение как-то повлияло на мое мнение о ней. Ее неопределенность не удивляла. Мне было жаль ее мать.

Когда дочь, взяв полотенце и мыло, ушла умываться, Татьяна Викторовна жадно набросилась на меня с расспроса-

ми. Я рассказала ей о чем, на мой взгляд, можно было, не упомянув о получасовом выходе ее дочери из моего поля зрения. Не хотела расстраивать. Судя по моему смущенному виду и очевидной недосказанности, она все поняла… И хотелось, чтобы поняла…»

Мгновение третье. Охота за силой

Наступила третья смена. Я вздохнула полной грудью. Первые дни казалось непривычным, что каждую минуту нужно думать, чем бы занять детей, на что направить их деятельную энергию, чтобы они с пользой проводили время в лагере и чтобы, приехав домой, не говорили, что в лагере скучно.

Увы, можно было больше не гонять мяч на футбольном поле, не играть в бадминтон и шашки, не заплетать длинные волосы девочкам и не напоминать мальчикам, что им пора переодеться в чистую одежду. Пришло осознание, в каком состоянии постоянного напряжения я находилась первые сорок восемь дней. Оказывается, в лагере можно жить совершенно по-другому!

Отряд, куда меня перевели, состоял из спортсменов двух возрастных категорий: по две палаты мальчиков и девочек тринадцати — пятнадцати лет и по две палаты юношей и девушек по шестнадцать — восемнадцать лет.

Когда в лагере все еще спали, тренер поднимал их и выгонял на разминку. Спортсмены возвращались, когда остальные отряды только просыпались и шли к умывальникам. Потом два раза в течение дня, после завтрака и после полдника, ребята убегали на тренировки. Я оставалась в отряде в качестве сторожа и клинера. Вместе со мной оставались еще и дежурные, один человек на две палаты. Главное в моей ра-

боте как клинера — кровати. Некоторые дети-шестилетки заправляли свои кровати лучше, чем ребята из старшего отряда. Те их вообще не заправляли, а лишь накидывали на свои постели, похожие на взбитые сливки, покрывало.

Каждое утро, через час после завтрака, приходила комиссия, состоящая из двух медиков и организатора культмассовых мероприятий в лагере. Они смотрели на натянутость постелей, отсутствие пыли и порядок в тумбочках.

Мне хватало того, что я проверяла работу дежурных по палате, которую чаще выполняла сама. Переправлять плохо убранные постели я считала не входящим в мои функции делом. Но, как оказалось, ошибалась. За лень и безответственность дежурных мы начали получать двойки. Меня вызвали к начальнику лагеря.

— Вы проработали две смены в шестом отряде. Работали хорошо, — методично наставляла начальница, видная женщина, любившая командовать и повелевать. — Чтобы вы смогли отдохнуть, я вас специально перевела в спортивный отряд, но это не значит, что надо забывать о своих обязанностях.

Мне нечем было защищаться. В данном случае она была права.

Начальница перешла на ты:

— Ты должна заправлять за ними кровати, если они не могут. У тебя есть для этого целое утро!

Почему-то она не вспомнила, что и оформлением отряд-

ного уголка, и подготовкой выступлений на сцене — спортсменам заниматься некогда — заправляла я одна. Тренеры к подобным делам вообще не прикасались.

— Хорошо, — ответила я, — исправлюсь.

И с того момента в мои функциональные обязанности вошли еще и злополучные кровати.

Я жила в одной из палат со взрослыми девочками, потому что вожатскую занимали два тренера-мужчины. Сначала такая расстановка вещей мне не очень понравилась — хотелось поселиться где-нибудь в другом месте, например, в корпусе для административных работников, но не разрешили.

— Воспитатель должна находиться в отряде вместе с ребятами, — сказали мне.

Пришлось забыть о своем неудовольствии, и впоследствии не пожалела об этом.

Помимо кроватей и оформления уголка, я всю смену дежурила в столовой. В течение дня мне и еще двум ребятам из отряда приходилось четыре раза накрыть и столько же раз все убрать со столов. Правда, убирать приходилось почти чистые тарелки, особенно в обед. Спортсмены ели много, и все постоянно просили добавки.

С утра, когда весь отряд убегал на тренировки, прибрав в палатах, я убегала вслед за ними. Поначалу пыталась бегать вместе с девочками, но задаваемых им нагрузок не выдержала и начала бегать одна.

Мой маршрут пролегал вдоль лагеря по проселочной до-

роге, затем продолжался мимо леса, который мощной темно-зеленой полосой тянулся до шоссейной дороги, там я делала небольшую петлю и бежала назад. Длина моего маршрута составляла десять — пятнадцать километров каждое утро. Прибегая в лагерь раньше отряда, успевала принять душ, переодеться. К концу смены я была в хорошей физической форме — подтянутой.

После обеда и обеденного сна включалась в активную работу по организации выступления отряда на сцене местного клуба на очередном мероприятии. И скоро мне предложили соразмерить мой сценический пыл с деятельностью внутри отряда. С начальством спорить не будешь: пришлось организовывать турнир отряда по шашкам, турнир по шахматам, турнир по баскетболу и затем отслеживать результаты с утра до вечера.

Забот и хлопот хватало на целый день. А душа просила что-нибудь необыкновенного и прекрасного.

Познакомившись и подружившись со спортсменками из отряда, я стала делиться с ними своими познаниями в эзотерике. Рассказывала девочкам из своей палаты на ночь разные необычные истории, происходившие в жизни реальных людей.

Поведала им и о том, что параллельно с нами живут совершенно иные существа, обладающие такой энергией, которой нет у человека, а ее можно получить при встрече с этими существами. При контакте следует быть очень осторожными.

Чрезмерная доза не присущей человеку силы может принести вред, и непоправимый. Человек как энергетическая сущность способен накапливать и аккумулировать разные виды энергий, которые можно использовать как для подпитки своей энергосистемы при большом расходе сил, так и при совершении простых действий, только с большим эффектом и отдачей. При определенном количестве накопленной таким образом энергии возможно необычно мощное развитие и совершенствование своего тела и его способностей.

Обо всем этом я начиталась у Карлоса Кастанеды. Девчонкам в отряде сказала, что очень бы хотела попробовать войти в такого рода контакт с существами ночи и что не сделала этого раньше лишь потому, что не было подходящего момента и соответствующих условий. Для контакта необходимы ночь, тишина и единомышленники. Одной пытаться выходить ночью в лес — не хватит мужества, да и смысла особого нет. Эзотерика хоть и захватывала меня, но не до фанатизма.

В охоте за силой вызвались участвовать четыре девушки. Я провела инструктаж, что делать и как себя вести во время этого.

— Сначала нужно вызвать существа ночи, выманить их из леса, а затем, подпустив максимально близко, бежать. Именно бежать, иначе могут произойти совершенно непредсказуемые изменения в теле человека вплоть до его гибели. Человек может лишиться своей жизненной силы: существо не

отдаст, а само вытянет всю энергию. Подобные воздействия, а именно контакт с существами из параллельного мира, не изучены официальной наукой, соответственно, им нет противоядия. Для обмена энергиями достаточно подпустить существо на близкое расстояние. Даже при этом тело человека способно перенять часть инородной силы.

— Пойдемте, поучимся бегать.

Девочки переглянулись.

Мои слова звучали смешно, ведь передо мной находились спортсменки, но все же, когда мы вышли из корпуса, я продемонстрировала так называемый бег силы, которым следует пользоваться при выходе из контакта. При бегстве ночью от неизвестных существ эти начальные навыки могут пригодиться.

Он позволял быстро передвигаться в полевых условиях в полной темноте. Охотницы за силой попробовали новый вид бега. Набегавшись и насмеявшись вдоволь, мы приняли решение отправиться в лес ближайшей ночью.

Дождались, когда в тренерской все стихло. Как доложила разведка, наши тренера ушли к воспитателям из других отрядов. Если тренера пьют, то им, скорее всего, не до нас.

Очень осторожно на цыпочках, пригнувшись, перебегали мы от дерева к дереву, пока не достигли забора, ограничивающего наш лагерь. Сразу за забором шла вверх дорога, слева от нее темнел лес, к нему мы и пошли. Отойдя от лагеря на полтора-два километра, мы расположились на поле невдале-

ке от леса и заняли выжидательную позицию. Сели, подобрав ноги под себя и строго соблюдая круг. Мы замерли, мысленно призывая существ ночи подойти к нам. Кто-то из девочек уже через две минуты начал дрожать.

— Девочки, пошлите в лагерь, — робко позвала она нас.

— Зачем мы тогда сюда пришли? Так ничего не увидим и не узнаем… — удерживала я девушку.

Она вся дрожала, ей досталась самая опасная позиция — спиной к лесу. Если пойдет она, то за ней пойдут и другие. Где-то вдалеке послышался хруст сухих веток. Кто это? Как будто кто-то шагал в тяжелых сапогах и направлялся прямо к нам. Все напряглись, как одна пружина, готовые вмиг оказаться на ногах.

Бум! Бум! Шаги становились явственнее, их звук отдавался в наших животах, которые сжались от страха.

— Подпустим поближе, — настаивала я железным голосом. — Иначе обмен силой не произойдет.

Шаги раздались прямо за нашими спинами. Девочки вскочили и с воплем побежали по полю через высокую колючую траву высотой с десятилетнего ребенка. Это была еще одна мера предосторожности. Громкий крик, считалось, отпугивает существа ночи. Мы с одной девочкой Ксюшей задержались на секунду дольше в надежде что-нибудь увидеть.

Бум-бум-бум!

Что-то темное и большое бежало к нам. Мы рванули, я бежала замыкающей, чувствуя ответственность за тех, кого

повела за собой.

Вдруг меня что-то сильно ударило в спину, и в следующую секунду я покатилась на животе по траве, раскинув руки в стороны. Ксюша, обернувшись и увидев, что меня нет, заорала благим матом.

— Ка-тя-а-а!

Это спасительное мгновение позволило мне вскочить на ноги и припустить бегом силы. Что-то тяжело топало сзади. Добежав до дороги, я почувствовала, что дорога, словно некая граница, за которую существо не переступит. Слегка отдышавшись, мы с Ксюшей пробрались в лагерь.

Впечатления переполняли девушек, они едва успокоились. Хорошо, что тренеры спали глубоким сном. Их дружный храп говорил нам о том.

На следующую ночь мы решили повторить прогулку, и нас было уже трое. В этот раз существо появилось намного быстрее, как если оно уже ждало нас. Шаги возникли где-то посередине того расстояния, что нас разделяло от леса. И двигалось существо целенаправленно. Мы соскочили с мест, страх поднимал волосы. Вчерашний удар еще сказывался на мне: ныл живот, и было ощущение, словно я надорвалась, таская тяжести. В этот раз Ксюша почему-то замешкалась. Сзади послышался слабый вскрик. Я бросилась назад. Дико крича и вопя, Ксюша вцепилась мне в руки.

— Меня что-то толкнуло в спину, очень сильно, — заикаясь, говорила она.

Треск сучьев под тяжестью чего-то громоздкого подстегнул нас. Мы с девушкой не помнили, как домчались до дороги. Третьей любительницы приключений, нашей компаньонки, не было видно. Она уже, наверно, лежала в кровати под одеялом. С трудом переводя дух, мы домчались до корпуса.

На следующий день о наших вылазках знали все старшие ребята в отряде, а младшие изнывали от любопытства, но их не просвещали в подробности ночных приключений.

На охоту за силой напросились мальчики из третей палаты. Идти в лес собралось человек пять. Остальные мальчики (всего в палате проживало двенадцать человек) сели с девочками на лавочку, стоявшую несколько в стороне от главных ворот лагеря.

Окрыленная успехом, я не чувствовала подвоха. На ум даже не пришло, что ребята изначально ничего не боялись и ничему не верили. Они не захотели садиться посреди поля в ожидании того, что к ним кто-то там придет. Не скажу, что агрессивно, но воинственно они вошли в лес, сразу и без церемоний. Я шла за ними.

Конечно, ничего не произошло. Шум и агрессия никого не привлечет. Ни одно существо, уважающее себя, не выйдет для того, чтобы показать себя. Если нет никакой другой цели, кроме как увидеть и победить, нет и контакта. Мне было досадно и невесело.

Мальчики вернулись назад. Спать никто не пошел, хотя было уже за полночь. Они присоединились к ожидающей

компании на лавочках. Гвалт и хохот поднялись неописуемые.

Испугавшись возникшего шума, я попробовала их урезонить, но никто не обращал на мои воспитательские потуги никакого внимания. Тогда, воззвав к их совести, я отправилась в отряд одна, чтобы личным примером заставить вернуться подростков в лагерь, а также и предупредить возможный скандал. Каким образом я собиралась это делать, не представляла. В лагере, к моему облегчению, было тихо, все, видимо, спали богатырским сном. И моя тактика сработала — скоро подтянулись и ребята.

Эта ночная вылазка открыла череду последующих. В мои планы отрядные прогулки под луной не входили. Но, с другой стороны, что просило начальство, то и было исполнено. Отрядные дела у нас превысили все показатели.

Самое невероятное в этой истории то, что половина отряда, которой наутро предстоит жесткая тренировка, уходила за территорию лагеря во главе со своим вожатым-воспитателем. Палаты пустовали несколько часов после отбоя. Кому угодно от такого станет плохо.

Я очень переживала, что начальство прознает о наших охотах и тусовках. Как ни странно, все обошлось.

Вожатые и тренеры сами уходили по ночам куда-то подальше от корпуса и весело проводили часть ночи. Ну почему бы и нет? Главное, дети все спят, и вожатые находятся на посту.

Мгновение четвертое. Остановись, мгновение!

К звезде

Замри, Земля!
На небосклоне вспыхнула моя Звезда!
Я — здесь, я жду тебя!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.